

К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ В КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ

САМОЙЛЕНКО Е. С. *, *Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,*

e-mail: elena.samoylenko@gmail.com

ГАЛАНИЧЕВ П. А. **, *Центр экспериментальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия,*

e-mail: galanichev.p@gmail.com

НОСУЛЕНКО С. В. ***, *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия,*

e-mail: stanislav.nosulenko@gmail.com

Рассматриваются теоретические и эмпирические аспекты проблемы межкультурных различий в когнитивных процессах. Представлены результаты эмпирического исследования, в котором выявлены тенденции различий между жителями Тувы и Московского региона в процессах сравнения изображений. Межкультурные различия касались степени влияния перцептивного контекста на субъективные оценки и вербализации сходства объектов.

Ключевые слова: межкультурные исследования, сравнение, сходство, вербализация.

Особенности теории и методологии межкультурных исследований когнитивных процессов

На основании анализа методологических и методических принципов специалисты в области когнитивной психологии выделяют четыре этапа развития межкультурных исследований познавательных процессов (Bond et al., 2004; Matsumoto, Yoo, 2006). Первый этап состоял в сборе данных и констатации факта наличия различий в характере познавательных процессов между представителями разных культур (например: Коул, Скрибнер, 1974; Rivers, 1905). На втором этапе осуществлялась идентификация и дифференциация наиболее значимых параметров сравнения культур (например: Hofstede, Bond, 1984). В качестве таких параметров были выделены индивидуализм/коллективизм (Individualism Versus Collectivism), дистанция власти (Power Distance), избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance), мужественность/женственность (Masculinity/Femininity) и долгосрочная/краткосрочная ориентация (Long- Versus Short-Term Orientation). Наибольшее внимание было уделено изучению такого параметра, как индивидуализм/коллективизм, однако даже в этом случае не

Для цитаты:

Самойленко Е. С., Галаничев П. А., Носуленко С. В. К проблеме межкультурных различий в когнитивных процессах // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 1. С. 39–59.

* Самойленко Е. С. Доктор психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН, Центр экспериментальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ. E-mail: elena.samoylenko@gmail.com

** Галаничев П. А. Программист, Центр экспериментальной психологии ГБОУ ВПО МГППУ. E-mail: galanichev.p@gmail.com

*** Носуленко С. В. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: stanislav.nosulenko@gmail.com

были сформулированы основные содержательные конструкторы, позволяющие интерпретировать культурные различия в познавательных процессах. Задача выделения таких конструкторов характеризует, по мнению Д. Матсумото и С. Юу (Matsumoto, Yoo, 2006), третий этап развития межкультурных исследований. Одним из таких конструкторов стало понятие индивидуального Я, специфические характеристики которого в индивидуалистических и коллективистских культурах рассматривались Х. Маркусом и С. Китаямой в качестве детерминант различий в познавательных процессах (Markus, Kitayama, 1991). Р. Нисбетт с коллегами выделили в качестве другого конструктора социальные практики, эмпирически продемонстрировав, что их специфика в культурах США и Восточной Азии связана с различиями в познавательных процессах (например: Masuda, Nisbett, 2001; Miyamoto, Nisbett, Masuda, 2006). Наконец, четвертый, современный, этап заключается, во-первых, в разработке системной методологии изучения взаимосвязи различных факторов, определяющих функционирование той или иной культуры, с особенностями познавательных процессов и поведения ее представителей, а во-вторых, – в эмпирической проверке моделей, описывающих соответствующие взаимосвязи.

Современная методология межкультурных исследований познавательных процессов базируется на исследованиях взаимосвязей между различными культурно-специфическими факторами и выделении детерминант формирования тех или иных культурно-специфических феноменов (linkage studies), например, взаимосвязей между характеристиками познавательных процессов, с одной стороны, и специфическими аспектами культуры, гипотетически связанными с этими характеристиками, – с другой стороны (Matsumoto, Yoo, 2006). Выделяются два основных эмпирических подхода: «исследования по распаковке» (unpackaging studies) и классические эксперименты (Matsumoto, Yoo, 2006). Первый подход направлен на объяснение межкультурных различий. Культура как общая переменная замещается более конкретными и в некоторой степени связанными между собой контекстными переменными, которые затем соотносятся с различиями, обнаруживаемыми в познавательных процессах. Второй эмпирический подход представлен вариантами метода эксперимента, среди которых выделяются так называемые «установочные» исследования (priming studies) и исследования поведения (behavioral studies). В установочных исследованиях (например: Gardner, Gabriel, Lee, 1999) участникам задается некоторый ориентир либо на индивидуалистическую, либо на коллективистскую позицию, а затем предлагается решить какую-либо задачу. Показано, что установка ориентира на одну из этих позиций приводит к выраженному проявлению того или иного познавательного стиля (Oyserman, Lee, 2008). В исследованиях поведения варьируется определенный параметр среды с целью демонстрации культурных различий в способах взаимодействия людей.

Среди проблем методологии межкультурных исследований (эти проблемы подробно рассмотрены в: Matsumoto, Van de Vijver, 2010) одна является, с нашей точки зрения, особо важной. Речь идет о методической эквивалентности, означающей такое сходство концептуальных значений и эмпирических методов, относящихся к разным культурам, которое придает смысл их сравнению. Такая эквивалентность должна рассматриваться в отношении способов конструирования и характеристик выборок, языка, теоретической концепции и гипотез. Но в первую очередь она должна соблюдаться применительно к процедурам измерения изучаемых переменных, т. е. предполагать сравнение степени валидности и надежности способов получения эмпирических данных (Matsumoto, Yoo, 2006).

Что касается моделей, описывающих взаимосвязи культуры и познавательных процессов, то наиболее известной из них является концепция окружающей среды как причин-

ности культур (environmental causation model). Суть этой концепции заключается в том, что культура, образованная рядом объективных и субъективных составляющих (среди них социальные практики, нормы и ценности), является антропогенным ответом на такие экологические факторы, как климат, природные ресурсы, изобилие на групповом уровне, плотность населения и т. д. Формирующаяся под влиянием экологии, культура, в свою очередь, определяет особенности личности ее представителей (например, особенности Я-концепции), которые влияют на их познавательные процессы и поведение (Matsumoto, Yoo, 2006).

Р. Нисбетт с соавторами сформулировали так называемую культурно-специфичную гипотезу познания, согласно которой исторически сложившиеся культурные ценности и обычаи обуславливают культурно специфичные стили познания (Nisbett et al., 2001). Согласно этой гипотезе, во-первых, социальная организация и социальные практики оказывают непосредственное влияние на формирование избирательного внимания по отношению к определенным аспектам окружения, что, в свою очередь, влияет на метафизику, т. е. на представления о мире и причинности. Метафизика влияет на подразумеваемую гносеологию, т. е. на убеждения о том, что необходимо знать и каковы способы получения знания. Гносеология, в свою очередь, обуславливает более интенсивное развитие одних когнитивных процессов за счет других. Во-вторых, социальная организация и социальные практики могут прямо влиять на метафизические допущения и развитие познавательных процессов, делая более приемлемыми определенные формы социального взаимодействия.

Наиболее системное, с нашей точки зрения, представление о влиянии культуры на познавательные процессы содержится в предложенной Миямото многоуровневой модели, описывающей взаимодействия нескольких групп ситуационных и психологических факторов (Miyamoto, 2013).

Первая группа образована ситуационными факторами дистального уровня (например, экология или ведущий род деятельности, социально-политическая система, религия, классовая среда обитания), которые детерминируют природу социальных структур на уровне общества. Главным основанием, по которому восточноазиатская социальная организация противопоставляется европейской и американской культурам, является коллективистская ориентация первых и индивидуалистическая ориентация вторых (например: Markus, Kitayama, 1991).

Структура социальной среды, в которой ее представители находятся в отношениях взаимозависимости друг от друга, предполагает необходимость обращения внимания на взаимоотношения и контекст. А в социальной среде, характеризующейся независимостью индивидов друг от друга, каждый из них фокусируется на собственных задачах и целевых объектах и не испытывает ограничений, связанных с потребностями окружающих людей. В основе коллективистской или индивидуалистической ориентации лежат конкретные социальные практики, ведущий род деятельности. Так, китайская цивилизация до недавнего времени базировалась на сельскохозяйственной деятельности, эффективность которой зависит от кооперации людей. Напротив, индивидуалистическая ориентация обычно связывается с социальными практиками, истоками которых является скотоводство, охота, рыбная ловля, торговля (Nisbett et al., 2001).

Показано, например, что фермеры, вынужденные подстраивать свои действия под социальный контекст, оказываются относительно более независимыми, чем промышленно ориентированные люди или охотники, более свободные в выборе собственных целей (Ji, Peng, Nisbett, 2000). Для восточной Азии характерна иерархическая структура обще-

ства, предполагающая контроль за жизнью людей со стороны верховной власти, гармонию и социальный порядок. Таким образом, взаимоотношения, определяющие социально-политическую организацию общества, отличаются большим многообразием и значительными ролевыми ограничениями. Подобная социальная структура требует от членов общества обращать особое внимание на социальный контекст и принимать во внимание состояние физического и социального окружения при восприятии отдельных объектов.

Существуют данные о том, что различия в религиозном мировоззрении также способствуют возникновению различий в образе и способах мышления и познания мира – аналитического или целостного/синтетического познания, а, следовательно, предполагают различия в акцентировании внимания – на целостные или локальные признаки объектов. Так, показано, что датские кальвинисты, религия которых подчеркивает индивидуальную ответственность, отличаются более выраженным аналитическим вниманием по сравнению с датскими атеистами. Итальянские католики и ортодоксальные евреи, чьи религии подчеркивают социальную ответственность, а также тайваньские буддисты, в религии которых подчеркивается внимание к физическому и социальному контекстам, обращают большее внимание на целостные характеристики объектов и их взаимоотношения, чем соответствующие категории атеистов (например: Colzato et al. 2010 a,b).

В состав второй группы факторов среды входят ситуационные факторы проксимального уровня (продукты культуры, коммуникативные практики, стили воспитания), которые воздействуют на индивидов в их повседневной жизни. Например, стили воспитания детей в разных культурно-социальных средах отличаются также существенными различиями: в обществах, чья сельскохозяйственная деятельность носит выраженный индивидуалистический характер, преобладает воспитание в детях самостоятельности, а в сельскохозяйственных культурах, организация деятельности которых строится на обобществлении основных орудий и средств производства, подчеркивается необходимость конформизма и воспитания ориентированности на окружающих (Ji, Peng, Nisbett, 2000). Продукты культуры также взаимосвязаны с преобладающими когнитивными стилями (Morling, Lamoreaux, 2008). Показано, что традиционное восточное искусство, включая портреты и пейзажи, содержит больше контекстуальной информации, чем западное (Masuda, Gonzalez, Kwan, Nisbett, 2008), материалы американских журналов в значительно большей степени, чем материалы корейских журналов, делают акцент на уникальности, в то время как материалы корейских журналов в большей степени ориентированы на передачу гармонии отношений природы и общества (Kim, Markus, 1999). Третья группа факторов относится к сфере психологии (Я-концепция, эмоции, мотивация, внимание, категоризация, атрибуция).

Таким образом, согласно предложенной Миямото модели, экология и социально-политический контекст формируют на дистальном уровне основную социальную структуру общества, которая, в свою очередь, находит отражение в проксимальных контекстах повседневной жизни людей. С особенностями проксимальных контекстов связаны преобладающие когнитивные стили и активация некоторых психологических конструкторов. То есть для того, чтобы исследовать влияние культуры на познавательные процессы, необходимо принимать во внимание ее многоуровневую структуру (Miyamoto, 2013).

Данная многоуровневая модель отражает основную тенденцию современных межкультурных исследований познания, в которых сопоставляются, с одной стороны, страны Восточной Азии (прежде всего, Китай, Корея и Япония), а с другой стороны, – страны Европы и Северной Америки. В последнее десятилетие, однако, наблюдается также тенденция

сопоставления социальных организаций и когнитивных процессов представителей Восточной и Западной Европы (например: Grossmann, Varnum, 2011; Varnum et al., 2008, 2010).

Как уже говорилось выше, одними из базовых межкультурных различий познавательных процессов являются особенности внимания, которое у представителей одних культур обращено скорее на физический контекст и взаимосвязи образующих его объектов, а у других – на включенные в него фокальные объекты. Так, в восточноазиатской культуре, подчеркивающей значимость взаимоотношений объектов и событий, первостепенной задачей внимания является восприятие всех существенных элементов поля и взаимосвязей между целым и его частями. В европейской и американской культурах важно уметь выделить объект из контекста, определить его категориальную принадлежность на основе присущих ему признаков. Следовательно, представители восточноазиатской культуры скорее будут обращать внимание на общее объектное поле, а европейцы и американцы – на включенный в него целевой объект (Nisbett et al., 2001). Такие выводы подтверждают результаты исследования различий в восприятии элементов фигуры и фона между японцами и американцами; в исследовании испытуемым предъявлялись для оценки короткие видеоролики флоры и фауны аквариума. Через некоторое время испытуемых просили вспомнить, что они увидели при просмотре видеоролика, а также им предлагалось задание на узнавание (Masuda, Nisbett, 2001). Полученные данные свидетельствовали о том, что японцы чаще, чем американцы, вспоминали фоновые элементы аквариума и их взаимное расположение, а американцы чаще, чем японцы, вспоминали особенности крупных двигающихся объектов (например, особенности внешнего вида и движения рыб). Японские участники реже узнавали виденный ранее вид рыбы, если в ситуации узнавания рыба была изображена на новом фоне, в то время как точность узнавания объекта американцами не зависела от фона, на котором данный двигающийся объект был изображен. То есть, японские участники чаще обращали внимание на контекст, а американские на отдельные объекты. Аналогичные межкультурные различия были обнаружены при решении других когнитивных задач (например: Ji, Peng, Nisbett, 2000, Savani, 2014).

Так, результаты исследований движения глаз при восприятии различных объектов среды также свидетельствуют о межкультурных различиях в когнитивных процессах. Например, при восприятии картинок с изображением натуралистических сюжетов (например, тигр в джунглях) представители американской культуры, в первую очередь, обращают свой взор на фокальный объект и дольше его рассматривают, чем китайцы, которые, в свою очередь, делают больше саккадических движений в сторону фона (Chua, Boland, Nisbett, 2005).

В другом исследовании Масуда с соавторами (Masuda et al., 2008) предъявляли испытуемым – представителям американской и японской культур – элементы мультфильмов: изображение включало одну целевую фигуру, расположенную в центре, и четыре фоновые фигуры. Выражением лица целевой фигуры было либо счастливое, либо печальное, либо злое, а лица фоновых фигур в одних случаях выражали аналогичную эмоцию, а в других – совершенно иную. Участники должны были оценить на основании 10-балльной шкалы степень выраженности эмоции на лице целевой фигуры. При этом производилась запись движения их глаз. Было показано, что представители Восточной Азии более склонны, чем американцы, обращать внимание на выражения лиц периферических фигур: их суждения о степени выраженности эмоций на целевом лице больше зависели от эмоций периферических лиц. Японцы затрачивали в среднем меньше времени, чем американцы, на разглядывание целевого лица. В течение первой минуты распознавания изображенного объекта представители обеих культур преимущественно смотрели на выражение целевого лица, а

начиная со второй минуты, японцы разглядывали фоновые лица значимо дольше, чем американцы. Полученные в исследовании результаты согласуются с данными о том, что представители европейской и американской культур рассматривают эмоции как относящиеся к индивидуальным особенностям, а представители японской культуры – как отражающие взаимоотношения между людьми (Barrett, Mesquita, Gendron, 2011).

Как отмечает Нисбетт, способность принимать во внимание физическое окружение при восприятии отдельных объектов связана с преобладающим в той или иной культуре видом мышления: как для древней, так и для современной Китайской культуры характерно так называемое целостное мышление (*holistic thought*), в то время как для древней Греции (от которой идут европейские традиции) и современного западного общества характерно аналитическое мышление (*analytic thought*). Целостное мышление основано на ориентации на целостный контекст или поле, в частности, на внимании к взаимосвязям между фокусным объектом и окружающим его полем, а также на предпочтении объяснения и предсказания событий на основе этих взаимосвязей. Такое мышление опирается, скорее, не на абстрактную логику, а на знание, полученное из опыта, и является диалектичным в том смысле, что обращено на динамику трансформации объекта, признает наличие противоречия, необходимости разнообразных точек зрения и поиска золотой середины между противоположными мнениями или позициями. Аналитическое мышление предполагает отчуждение объекта от окружающего его контекста, тенденцию фокусирования внимания на характеристиках объекта при его категоризации и использование правил, определяющих содержание категорий, для объяснения и предсказания функционирования объектов (Nisbett et al., 2001, с. 293).

Выраженные в той или иной культуре тенденции принимать во внимание физическое окружение при восприятии представленных в нем отдельных объектов и демонстрировать либо целостное, либо аналитическое мышление могут быть описаны в рамках предложенной Виткином модели дифференциации когнитивного стиля по параметру полезависимости (Witkin, 1974); кроме того, указанные выше особенности внимания обуславливают специфику функционирования такого когнитивного процесса, как сравнение предметов и социальных объектов. Процесс сравнения, как показывают приведенные ниже эмпирические исследования, является объектом анализа межкультурных различий в протекании когнитивных процессов.

Межкультурные эмпирические исследования процесса сравнения

Одно из направлений межкультурных исследований когнитивного процесса сравнения касается связи, с одной стороны, особенностей лексико-синтаксических структур языков, и с другой стороны, – субъективного оценивания носителями этих языков величины сходства объектов и понятий (Zhang, Schmitt, 1998). Такой культурно-специфичной особенностью языка является наличие (например, в китайском языке) или отсутствие (например, в английском или немецком языках) грамматики классификаторов (*classifier grammar*). Грамматическая система классификаторов распределяет существительные на более чем 100 семантических категорий. Обычно такая система основывается на семантических признаках (одушевленность, форма, функция, размер, жесткость, социальная важность и др.) и не имеет иерархической структуры (Saalbach, Imai, 2007).

Например, в исследовании С. Занга и Б. Шмитта (Zhang, Schmitt, 1998) испытуемым-китайцам и испытуемым-англичанам предлагалось оценить степень сходства предметов быта при их попарном предъявлении. Половина пар состояла из объектов, которые имели

в китайском языке один и тот же классификатор, а половина состояла из объектов, относящихся к разным категориям классификаторов. Результаты показали, что китайские участники по сравнению с английскими давали более высокие оценки сходства объектов, имеющих один и тот же классификатор. В то же время не было обнаружено межкультурных различий в субъективных оценках сходства объектов, относящихся к разным категориям классификаторов. Аналогичный результат был получен при субъективной оценке сходства объектов рекламы китайскими и англоязычными участниками.

В другом экспериментальном исследовании межкультурные различия в субъективной оценке сходства двух объектов сопоставлялись с четырьмя различными способами их объединения в парах: в зависимости от принадлежности к одной и той же категории классификаторов, к одной и той же таксономической или тематической категории, либо на основе отсутствия тематической связанности (Saalbach, Imai, 2007). Таксономические категории обозначаются существительными и дифференцируются по уровням специфичности признаков (например, животное, собака, колли), связанные между собой включенностью в класс (например, колли – это собака, собака – это животное, колли – это животное). Тематическая связанность двух объектов предполагает либо их одновременное сосуществование в пространстве и во времени, либо их связанность функциональными и причинно-следственными отношениями (например, стол/стул, утро/газета, ножницы/бумага) (Saalbach, Imai, 2007). В этом исследовании пары объектов, объединенных по четырем указанным выше основаниям, предъявлялись испытуемым-китайцам и испытуемым-немцам. Их просили оценить степень сходства объектов в парах и вероятность того, что они обладают одним и тем же свойством. В результате для представителей обеих культур была обнаружена одна и та же закономерность: наиболее сходными оценивались таксономически связанные объекты, за которыми следовали тематически связанные объекты, затем объекты, принадлежащие к одной и той же категории классификаторов, и наименее сходными оценивались тематически не связанные объекты. Таким образом, было показано, что даже представители культуры, не имеющей в своем языке грамматики классификаторов (немцы), могут обнаруживать сходство, присущее объектам, принадлежащим к одной и той же классификаторной категории. При этом было обнаружено, что выносимые китайцами субъективные оценки сходства объектов, относящихся к одному и тому же классификаторному классу, были выше соответствующих оценок, предложенных немцами. Это считается подтверждением сформулированной Нисбеттом гипотезы культурно-специфичном познании (Nisbett et al., 2001), о которой говорилось выше.

Второе направление межкультурных исследований сравнения касается определения типа взаимосвязи между объектами, на который опираются представители разных культур в процессе выбора среди них наиболее сходных.

В исследовании с участием китайских и американских детей предъявлялись 3 картинки, относящиеся к категориям людей, транспорта, мебели, инструментов или еды. Дети должны были выбрать из этих картинок две такие, которые похожи или могут быть объединены вместе, а также объяснить свой выбор. Результаты исследования показали, что китайские дети применяли так называемый реляционно-контекстуальный стиль, например, при сравнении картинок с изображением мужчины, женщины и ребенка дети объединяли изображения женщины и изображение ребенка (так как мать заботится о ребенке). Американские дети выбирали подходящие друг к другу объекты на основе принадлежности к категории или наличия общих признаков (например, выбирали мужчину и женщину, так как они оба взрослые) (Chiu, 1972).

Аналогичные результаты были получены в исследовании с участием китайских и американских студентов, которым предлагалось выбрать из трех слов два, наиболее близко связанных друг с другом и объяснить свой выбор (Nisbett et al., 2001). В каждой предъявляемой тройке два слова были определенным образом взаимосвязаны между собой: либо функционально, либо контекстуально, либо по принадлежности к одной и той же категории, либо по наличию общего признака, позволяющего отнести их к одной и той же категории. Полученные данные указывают на то, что китайские студенты предпочитают подбирать сходные слова на основе их функциональных или контекстуальных связей, а американские – на основе принадлежности к категории или наличия общих признаков.

Такого рода межкультурные различия также обнаруживаются в исследованиях процессов категоризации. Например, было показано, что американцы европейского происхождения группируют объекты в тройки на основе таксономических отношений, а китайцы – на основе тематической категоризации (Chiu, 1972; Ji, Zhang, and Nisbett, 2004).

В исследовании А. Норензяна с коллегами (см.: Nisbett et al., 2001) испытуемым – представителям Восточной Азии (Китая и Кореи), а также американцам азиатского и европейского происхождения – на экране компьютера предъявлялся одиночный целевой объект, расположенный под двумя группами объектов, каждая из которых состояла из четырех сходных предметов. В одной группе объекты были похожи друг на друга и на целевой объект с точки зрения принадлежности к одному роду. В другой – все объекты не имели большого сходства с целевым объектом, но их можно было описать с помощью простого правила (например, они имели изогнутый стебель), которое можно было применить и к целевому объекту. Инструкция требовала определить, с какой из двух групп целевой объект имеет наибольшее сходство. Показано, что представители Восточной Азии выбирали в качестве сходной ту группу предметов, с которой целевой объект имел родовое сходство, большинство американцев европейского происхождения – группу объектов, объединенных по определенному правилу, а американцы азиатского происхождения выбирали с равной частотой обе группы.

Третье направление межкультурных исследований сравнения касается сопоставления скорости обнаружения представителями разных культур таких различий в картинках, которые касаются либо контекста, либо фокальных объектов, а также количества идентифицированных различий по данным двум категориям.

В цикле исследований Т. Масуды и Р. Нисбетта (Masuda, Nisbett, 2006) были использованы варианты так называемой процедуры оценки реагирования на изменения (*change-blindness paradigm*), позволяющие изучать межкультурные особенности идентификации различий между объектами. Суть процедуры заключается в том, что испытуемым предъявляются на короткий промежуток времени пары мало различающихся картинок, после чего испытуемый должен быстро выявить различия между ними. В одном из экспериментов на картинках изображались сюжеты из повседневной жизни: аэропорт, стройка, городской пейзаж, ферма и порт. Картинки в парах различались только одним элементом либо в фокальных объектах, либо в окружающем их контексте. Результаты исследования, проведенного с участием студентов из США и Восточной Азии, показали, что студенты из Восточной Азии обнаруживали различия в контекстуальной информации быстрее, чем американцы. При этом американцы значительно быстрее находили различия в фокальных объектах, чем в окружающем контексте, в то время как оценки студентов из Восточной Азии не отличались существенным отличием. Аналогичные закономерности были получены в другом эксперименте на материале оценки различий между двумя последовательно предъявляемыми видеоклипами (Masuda, Nisbett, 2006).

В исследовании Ю. Миамото и др. (Miyamoto, Nisbett, Masuda, 2006), использовалась аналогичная предыдущему исследованию процедура оценки реагирования на изменения; в данном случае изучались межкультурные различия в оценках испытуемыми-японцами и испытуемыми-американцами сложности городских пейзажей и особенности идентификации объектов при распознавании и сравнении двух изображений городов. Необходимо, с нашей точки зрения, остановиться на этом исследовании более подробно, так как в нем применена оригинальная процедура измерения такого параметра различия культур, которым является степень сложности перцептивного окружения: пейзажей мелких, средних и крупных городов. Используемая в исследовании экспериментальная процедура предполагает применение испытуемыми различных стратегий и критериев – как субъективных, так и объективных. На фотографиях в различных ракурсах были изображены гостиницы, государственные дошкольные учреждения и почтовые отделения, находящиеся в маленьких, средних и крупных городах Японии и США. Объекты фотографировались с четырех сторон и с разного расстояния: спереди и на расстоянии одной улицы от них. На первом этапе исследования для оценки субъективно воспринимаемой сложности городских пейзажей студентам из США и Восточной Азии предлагалось оценить фотографии по четырем шкалам: 1) насколько четкими являются границы окружающего объект контекста; 2) как много объектов включено в этот контекст; 3) в какой степени создается впечатление того, что некоторые элементы пейзажа невидимы на фотографии; 4) насколько хаотичен или организован пейзаж. В связи с большим уровнем корреляции ответов по четырем шкалам был использован один усредненный показатель сложности-нечеткости пейзажей (*complexity-ambiguity composite score*). Результаты показали, что все японские пейзажи оценивались более сложными и неопределенными, чем американские. Полученные данные были подвергнуты компьютерной обработке с учетом такого критерия оценки, как количество элементов, заключенных в рамках отснятых пейзажей. Результаты оценки сложности предъявленных пейзажей свидетельствовали о том, что японские городские пейзажи содержали значительно большее количество объектов, чем американские пейзажи. Основная задача второго этапа исследования состояла в изучении критериев оценки пейзажей и определении тех элементов композиции, на которых акцентировали внимание испытуемые при оценке предъявляемых изображений. Последовательно применялись две методики: сначала процедурная установка (*procedural priming technique*), а затем методика оценки реагирования на изменения в сюжетах (Masuda, Nisbett, 2006). В данном случае испытуемые оценивали степень субъективной привлекательности американских или японских городских пейзажей.

Вторая методика была направлена на выявление различия между двумя последовательно предъявляемыми видеоклипами. Предъявлялись две пары клипов, одна из которых состояла из видеозаписи двух вариантов строительства, а другая – двух вариантов аэропорта. Клипы в каждой паре отличались по характеристикам фокальных объектов и по элементам окружающего их контекста. Результаты показали, что японцы обнаруживали больше контекстуальных изменений, чем американцы. Кроме того, все испытуемые (и американцы, и японцы), осуществившие вначале процедурно установочную оценку японских статичных пейзажей, во втором случае выделяли больше различий, касавшихся контекстуальной информации, чем те испытуемые, которые предварительно оценивали американские пейзажи. Аналогичные результаты получены в межкультурном исследовании с участием американцев и русских (Grossman, Varnum, 2011). Таким образом, была продемонстрирована взаимосвязь культурно специфического окружения и особенностей восприятия в целом, а также процессов сравнения, в частности.

Аналогичные данные были получены в сравнительном исследовании С. Китаямы с соавт. (Kitayama, Duffy, Kawamura, Larsen, 2003). Испытуемым – американцам и японцам – сначала предъявлялись квадратная рамка с изображенной внутри нее линией, а затем другие рамки разного размера, в которых надо было нарисовать линию, идентичную эталонной либо по абсолютной длине, либо по соотношению ее размера и размера рамки. Согласно результатам исследования, американцы оказались более точными при выполнении первого задания, а японцы – при выполнении второго, т.е. японцы обращали больше внимания на контекст.

Кроме того, подобного рода исследования межкультурных различий были проведены на материале сравнения социальных объектов, в качестве которых использовались изображения человеческих лиц (Miyamoto, Yoshikawa, Kitayama, 2011). Из оригинальных фотографий лиц конструировались два набора: один набор содержал изображения лиц с измененными пространственными характеристиками, т.е. расстоянием между элементами лица (например, глазами и ртом); другой набор содержал изображения лиц, в которых по сравнению с оригиналами менялись отдельные черты. Испытуемым – американцам и японцам – предъявлялись попарно изображения лиц, задача испытуемых состояла в том, чтобы как можно быстрее сравнить эти изображения и ответить на вопрос, одинаковы они или различны. Согласно результатам, японцы оказались более точными, чем американцы, в тех случаях, когда осуществлялось сравнение лиц, различавшихся по пространственным характеристикам. Кроме того, когда участников исследования просили оценить, насколько они обращали внимание на разные характеристики лица при его распознавании и сравнении с другим изображением; японцы чаще, чем американцы, отмечали, что обращали внимание на расположение черт лица и его выражение.

Таким образом, на разнообразном эмпирическом материале было показано, что существуют межкультурные различия в субъективном оценивании величины сходства объектов, в скорости обнаружения различий, касающихся контекстуальной информации и фокальных объектов, а также в том, на какой тип связи между объектами опираются представители разных культур в процессе выбора среди них наиболее сходных.

Еще одна попытка изучения степени культурной специфичности сравнения принята нами в работе, основная задача которой состояла в ответе на вопрос о том, насколько полученные на разнообразной русскоязычной выборке закономерности влияния контекста на процесс сравнения носят универсальный характер. Для ответа на этот вопрос мы провели исследование на выборке жителей республики Тува, обладающих, по нашему предположению, определенной спецификой социальных практик и когнитивных процессов. В частности, как отмечают исследователи, тувинские дети, выросшие на просторах степей, среди крутых гор, на берегах бурных рек, сверхчувствительны (Кенин-Лопсан, 2006). «Детишки до тринадцати лет видят и понимают многое: какие цветы растут на лугах, какой масти то или иное животное, как реет горный орел, какова форма той или иной вещи, как расположены звезды, как по одному листочку узнать, что это за растение» (Кенин-Лопсан, 2006, с. 152). Важным является также тот факт, что у большинства тувинцев, исповедующих шаманизм и поклоняющихся духам местности, хорошо развита способность предсказывать события, ориентируясь на приметы и выделяя отличительные признаки и состояния объектов (например, сводит ногу, чай кипит с хлопанием, подрагивают щека, верхняя ресница глаза, нижнее веко, икроножная мышца и т.д.) (Кенин-Лопсан, 2006).

Данная специфика социокультурных практик тувинцев обусловила интерес к проведению обсуждаемого ниже эмпирического исследования, в котором применялся метод, использованный при изучении роли контекста в сравнении объектов жителями Московского региона (Самойленко, 2010, 2012; Самойленко, Мелкумян, 2011). Данное исследование носило ориентировочный характер.

Эмпирическое исследование

Цель эмпирического исследования заключалась в том, чтобы изучить насколько выявленные на выборке москвичей закономерности влияния контекста на предметно-ориентированное сравнение проявляются на выборке тувинцев. Закономерности касались зависимости сравнения двух сходных зрительных объектов от типа контекста, в котором они воспринимаются. Тип контекста определялся тем, насколько входящие в него объекты похожи на два подлежащих сравнению объекта.

Метод

Исследовательская процедура включала в себя субъективную оценку сходства сравниваемых объектов и вербальное объяснение величины этой оценки.

Эксперимент состоял из трех основных серий (использовался дизайн с независимыми выборками). В каждой из серий предъявлялись две целевые пары объектов. Серии различались тем, что в первой из них целевая пара предъявлялась без какого-либо окружения других объектов, во второй – в окружении похожих на них объектов, в третьей – в окружении отличающихся от них по нескольким параметрам объектов. Участники исследования выполняли две задачи: сначала оценивали сходство двух объектов с помощью 5-балльной шкалы («1» – совсем непохожие объекты, «5» – очень похожие объекты), а затем вербально объясняли свою оценку сходства объектов.

Стимульный материал. В качестве стимульного материала использовались две категории объектов: фотографии человеческих глаз и абстрактные цветные узоры (Самойленко, 2012). Целевую стимульную пару из первой категории образовали две цветные фотографии женского глаза. Пара была составлена путем изменения одной из фотографий в графическом редакторе Adobe Photoshop CS4 по одному критерию – искажению перспективы, выраженному величиной изменения радиуса «выпуклости» глаза. Для контекста сходных изображений глаз (так называемого «гомогенного контекста») были подобраны 7 фотографий женских правых глаз, похожих на целевую пару по цвету, общим контурам, этнической референтности. В контекст отличающихся изображений глаз («гетерогенный контекст») вошли 7 фотографий глаз, различающихся по параметрам цвета, формы, размера, этнической референтности. Стимульные объекты второй категории представляли собой фрагменты рисунков дизайнерских обоев. Целевую стимульную пару образовали два цветных фрагмента одного абстрактного рисунка. Для «гомогенного контекста» были подобраны 7 фрагментов из этого же самого рисунка, похожих на целевую пару по цвету, композиции и образующим их деталям. В «гетерогенный контекст» вошли выбранные из разных рисунков 7 фрагментов, отличающихся от целевой пары по цветовой гамме, композиции и образующим их деталям.

Участники исследования. Всего в исследовании участвовало 70 человек тувинской национальности с неполным или законченным средним и высшим образованием. В серии с предъявлением целевой пары без контекста – 25 человек (19 женщин и 6 мужчин, от 18 до 69 лет, средний возраст – 37 лет); в серии с предъявлением целевой пары в «гомогенном» контексте – 22 человека (17 женщин и 5 мужчин, от 17 до 72 лет, средний возраст – 42 года);

в серии с предъявлением целевой пары в «гетерогенном» контексте – 23 человека (14 женщин и 9 мужчин, от 17 до 66 лет, средний возраст – 39 лет).

Анализируемые показатели и обработка данных. Был проведен анализ двух групп показателей: средних значений субъективных оценок сходства, полученных в трех экспериментальных ситуациях, и вербальных высказываний, содержащих объяснение того, почему была дана определенная оценка сходства. Использовался метод анализа вербальных данных, позволяющий проводить их качественно-количественную обработку (Носуленко, 2007; Носуленко, Самойленко, 2005; Самойленко, 2010, 2012). Вербализации анализировались с точки зрения представленности компаративных структур, содержащих сходство и различие объектов. В рамках анализа использовался предложенный лингвистами перечень синтаксических и лексических конструкций русского языка, выражающих сходство и различие объектов (Родичева, 1976).

Результаты

Зависимость субъективного оценивания величины сходства объектов от контекста их предъявления

В проведенном ранее исследовании на *выборке москвичей* (Самойленко, 2012) была выявлена единая для двух категорий стимульных объектов (фотографий глаз и абстрактных рисунков) закономерность: пара объектов в «гомогенном» контексте воспринималась как значимо менее сходная, чем в «гетерогенном» контексте (при $p \leq 0,001$, тест Манна–Уитни).

Что касается *тувинской выборки*, то в результате проведения аналогичного сопоставительного анализа средних значений субъективных оценок сходства целевых объектов (фотографий глаз и абстрактных рисунков) в трех экспериментальных ситуациях данная закономерность не обнаружена: средние значения субъективных оценок сходства целевых объектов, предъявленных без контекста, в «гомогенном» контексте и в «гетерогенном» контексте, значимо не различались.

Соотношение вербализаций сходства и различия целевых объектов в разных ситуациях их предъявления

В результате анализа компаративных структур, которые были выделены в вербализациях, продуцированных при объяснении воспринимаемой величины сходства объектов целевой пары, выявлены следующие тенденции.

Применительно к **фотографиям глаз** на *выборке москвичей* соотношения долей представленности вербальных структур, отражающих сходство и различие двух целевых объектов, предъявляемых без контекста, среди «гомогенного» и «гетерогенного» контекстов, оказалось неодинаковым (рис. 1). В ситуации предъявления целевых объектов без контекста и в «гомогенном» контексте относительно чаще встречались вербализации различия, чем сходства (значимых различий не обнаружено). При предъявлении этих же объектов в «гетерогенном» контексте значимо чаще продуцировались вербализации сходства, чем различия (при $p \leq 0,001$, применялся z-тест). Кроме того, необходимо отметить, что доля вербализаций сходства, продуцированных при объяснении оценок сходства целевых объектов, оказалась наибольшей при предъявлении целевой пары объектов в «гетерогенном» контексте и наименьшей при отсутствии контекста. Доля вербализаций различия, продуцированных при объяснении оценок сходства целевых объектов, была наибольшей, когда эти объекты предъявлялись без контекста, и наименьшей, когда они предъявлялись в «гетерогенном» контексте отличающихся от них объектов (Самойленко, 2012).

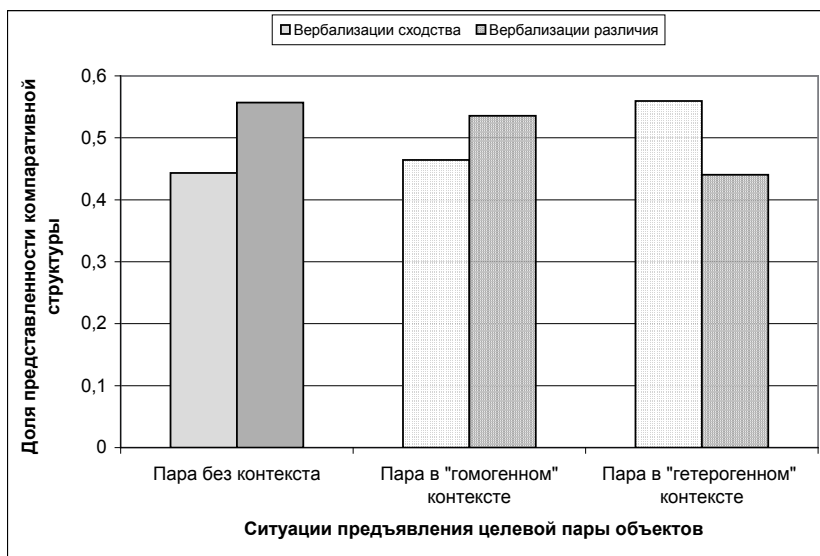

Рис. 1. Соотношение вербальных структур, отражающих сходство и различие изображений глаз целевой пары в трех экспериментальных ситуациях (выборка москвичей)

На *тувинской выборке* применительно к фотографиям глаз (рис. 2) соотношения долей представленности вербальных структур, отражающих сходство и различие двух целевых объектов, предъявляемых без контекста, среди «гомогенного» и «гетерогенного» контекстов, оказалось одинаковым: относительно чаще встречались вербализации различия, чем сходства (значимых различий не обнаружено). При этом доля вербализаций сходства оказалась примерно одинаковой при предъявлении целевой пары объектов без контекста, в «гомогенном» и «гетерогенном» контекстах.

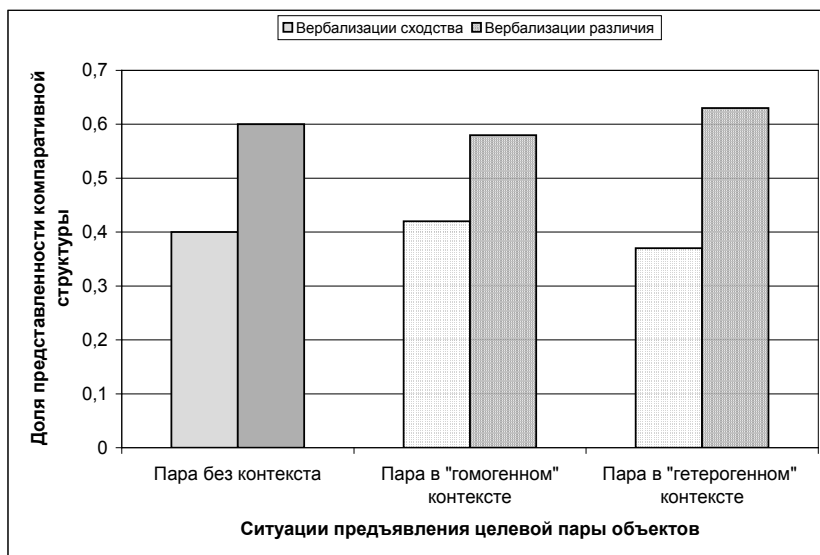

Рис. 2. Соотношение вербальных структур, отражающих сходство и различие фотографий глаз целевой пары в трех экспериментальных ситуациях (тувинская выборка)

Применительно к **абстрактным рисункам** на выборке москвичей (рис. 3) при предъявлении целевых объектов без контекста и в «гомогенном» контексте значительно чаще встречались вербализации различия, чем сходства (при $p \leq 0,001$, z-тест).

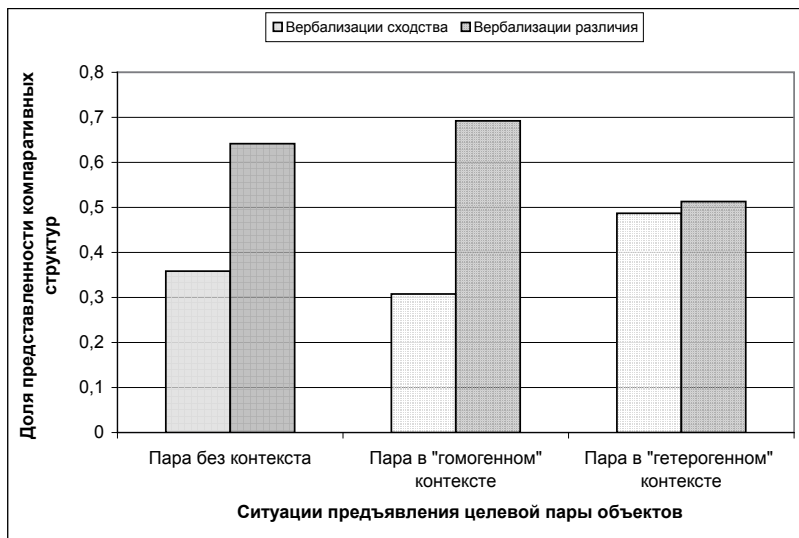

Рис. 3. Соотношение вербальных структур, отражающих сходство и различие абстрактных рисунков, в трех экспериментальных ситуациях (русская выборка)

При предъявлении этих же объектов в «гетерогенном» контексте в равной мере продуцировались вербализации сходства и различия. Однако необходимо отметить, что при предъявлении целевых объектов в «гетерогенном» контексте доля вербализаций сходства оказалась значительно большей, а доля вербализаций различия – значительно меньшей по сравнению с ситуациями предъявления целевой пары объектов в «гетерогенном» контексте и при отсутствии контекста (Самойленко, 2012).

На *тувинской выборке* применительно к абстрактным рисункам (рис. 4) отмечена такая же, что и в случае предъявления фотографий глаз, тенденция: при сравнении двух целевых объектов, предъявляемых без контекста, среди «гомогенного» и «гетерогенного» контекстов относительно чаще встречались вербализации различия, чем сходства (значимых различий не обнаружено). При этом вербализации различия встречались значительно чаще, чем вербализации сходства, при предъявлении целевых объектов без контекста (при $p = 0,002$, z-тест) и в «гетерогенном» контексте (при $p = 0,017$, z-тест). Что касается доли вербализаций сходства, то ее показатели существенно не отличались при предъявлении целевой пары объектов без контекста, в «гомогенном» и «гетерогенном» контекстах.

Таким образом, результаты проведенного эмпирического исследования позволяют говорить о некоторых специфических для тувинской выборки тенденциях, касающихся особенностей процесса сравнения объектов, воспринимаемых в разных перцептивных контекстах:

- во-первых, у испытуемых тувинской выборки не обнаружено влияние типа контекста на субъективную оценку сходства воспринимаемых в нем объектов, в то время как на выборке москвичей продемонстрирована универсальная для двух категорий объектов (фотографий глаз и абстрактных рисунков) тенденция, которая заключается в том, что пара объектов в контексте очень похожих на них объектов воспринимается как значительно менее сходная, нежели в окружении отличающихся от них по разным параметрам объектов;

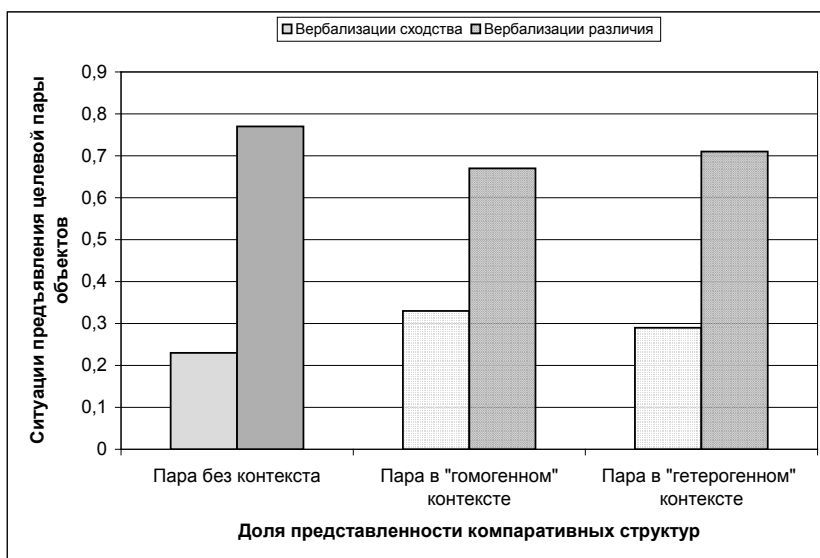

Рис. 4. Соотношение вербальных структур, отражающих сходство и различие абстрактных рисунков, в трех экспериментальных ситуациях (тувинская выборка)

- во-вторых, у испытуемых тувинской выборки отмечена единая (как при оценке фотографий глаз, так и при оценке абстрактных рисунков) тенденция к более частому использованию вербализаций различия, чем сходства, при сравнении двух целевых объектов во всех трех экспериментальных ситуациях. Анализ показателей оценок абстрактных рисунков свидетельствует о значимом характере данной тенденции: вербализации различия встречались значимо чаще, чем вербализации сходства, при предъявлении целевых объектов без контекста и в «гетерогенном» контексте. В отличие от тувинцев у москвичей при предъявлении фотографий глаз в «гетерогенном» контексте значимо чаще встречались вербализации сходства, чем различия.

Заключение

Современные межкультурные исследования когнитивных процессов находятся на этапе разработки системной методологии изучения взаимосвязи конкретных параметров культур с характеристиками памяти, восприятия, внимания и мышления. В качестве теоретической базы для этих исследований выступают несколько концепций. Во-первых, это разработанная Д. Матсумото модель особенностей функционирования окружающей среды как причинности формирования культурных различий (Matsumoto, Yoo, 2006), образованных рядом субъективных и объективных социальных факторов, в состав которых входят социальные практики, нормы и ценности. Во-вторых, это предложенная Р. Нисбеттом (Nisbett et al., 2001) культурно-специфичная гипотеза познания, согласно которой социальные практики и нормы обуславливают культурно специфичные стили познания. В-третьих, это предложенная Ю. Миямото (Miyamoto, 2013) многоуровневая модель взаимосвязи ситуационных факторов разного уровня и познавательных процессов.

Главная особенность современных межкультурных эмпирических исследований заключается в том, что одним из наиболее важных познавательных процессов, различия в протекании которого носят существенный характер, признается внимание, распределение

которого при оценке объектов окружающей среды характеризуется существенными различиями у представителей разных этносов и культур: у одних внимание преимущественным образом обращено на физический контекст и взаимосвязи образующих его объектов, у других культур – на включенные в него фокальные объекты. С этой особенностью внимания оказываются связанными превалирующие стили мышления – целостное или аналитическое, а также некоторые особенности сравнения предметов и социальных объектов.

Как показывают современные исследования, когнитивный процесс сравнения является интересным объектом межкультурного анализа, а исследователями достигнуты значительные успехи в описании и анализе данного процесса: 1) продемонстрированы межкультурные различия, касающиеся скорости нахождения различий в контекстуальной информации и в фокальных объектах; 2) выявлены связи между особенностями лексико-синтаксических структур языков и особенностями восприятия людьми, говорящими на этих языках, сходства объектов и понятий; 3) подтверждена культурная специфичность в степени использования контекстуальной информации при идентификации различий в объектах, в преимущественной опоре при сравнении объектов либо на таксономические отношения, либо на их тематическую категоризацию; 4) наконец, продемонстрированы значительные культурные различия в точности сравнения конфигураций объектов.

В нашем исследовании, носившем ориентировочный характер, также удалось наметить некоторые тенденции анализа межкультурных различий в процессах сравнения, которые касались влияния перцептивного контекста на субъективные оценки сходства объектов, а также на особенности вербализаций, имеющих отношение к объяснению предлагаемых оценок сходства. В отличие от выборки москвичей, у тувинцев не обнаружено влияние характера перцептивного контекста на субъективную оценку сходства объектов и соотношение компаративных вербальных структур. То есть включение в контекст объектов, обладающих более разнообразными отличительными признаками, не влияет на процесс сравнения целевых объектов. При этом у тувинцев отмечается стабильное для разных экспериментальных ситуаций преобладание вербализаций различия над вербализациями сходства объектов. Данный результат в достаточной степени подтверждает тот факт, что тувинцам присуще особое внимание к различиям, существующим между объектами и явлениями окружающего мира.

Проведенное на тувинской выборке экспериментальное исследование носит ориентировочный характер и позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего анализа возможных межкультурных различий, касающихся зависимости процессуальных и результативных характеристик сравнения объектов от типа контекста, в котором эти объекты предъявляются.

Перспективу дальнейших исследований мы видим, во-первых, в проверке полученных данных на более разнообразном наборе подлежащих сравнению объектов, во-вторых, в формировании более разнообразной по возрастным и социальным характеристикам выборки и, в-третьих, в осуществлении более детального анализа вербального материала с точки зрения стратегий описания различий объектов, а также соотношения параметров их сравнения. Необходимо также более глубоко рассмотреть проблему методической эквивалентности выбора способов конструирования и характеристик выборок, языка, теоретической концепции и гипотез, а также процедур измерения изучаемых переменных.

Финансирование.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ, проект №14-16-17003а(р).

Литература

1. Кенин-Лопсан М.Б. Традиционная культура тувинцев. Тува: Тувинское книжное изд-во, 2006. 232 с.
2. Носуленко В.Н. Психофизика восприятия естественной среды. М.: ИП РАН, 2007. 400 с.
3. Носуленко В.Н., Самойленко Е.С. Системный анализ межличностного общения: концепции и модели // Идея системности в современной психологии / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: ИП РАН, 2005. С. 315–340.
4. Родичева Е.И. К проблеме антонимии: дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1976.
5. Самойленко Е.С. Проблемы сравнения в психологическом исследовании. М.: ИП РАН, 2010. 416 с.
6. Самойленко Е.С. Процесс сравнения в системах познания, общения и личности: дисс. ... докт. психол. наук. М.: ИП РАН, 2012.
7. Самойленко Е.С., Мелкумян Т.А. Сравнение сходных зрительных объектов в различных контекстах их предъявления // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4. № 3. С. 42–58.
8. Barrett L.F., Mesquita B., Gendron M. Context in emotion perception // Current Directions in Psychological Science. 2011. Vol. 20. № 5. P. 286–290.
9. Bond M.H., Leung K., Au A., Tong K.K., de Carrasquel S.R., Murakami F. et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. Vol. 35. P. 548–570.
10. Chiu L.-H. A cross-cultural comparison of cognitive styles in Chinese and American children // International Journal of Psychology. 1972. Vol. 7. P. 235–242.
11. Chua H.F., Boland J.E., Nisbett R.E. Cultural variation in eye movements during scene perception // Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America. 2005. Vol. 102. P. 12629–12633.
12. Cole M., Scribner S. Culture & thought: A psychological introduction. N.Y.: John Wiley & Sons, 1974.
13. Colzato L.S., Beest I.V., van den Wildenberg W.P., Scorolli C., Dorchin S., Meiran N., Hommel B. God: Do I have your attention? // Cognition. 2010a. Vol. 117. № 1. P. 87–94.
14. Colzato L.S., Hommel B., van den Wildenberg W., Hsieh S. Buddha as an eye opener: A link between pro-social attitude and attentional control // Frontiers in Psychology. 2010b. Vol. 1. P. 156.
15. Gardner W.L., Gabriel S., Lee A.Y. "I" value freedom, but "we" value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment // Psychological Science. 1999. Vol. 10. P. 321–326.
16. Grossmann I., Varnum M.W. Social class, culture, and cognition // Social Psychological and Personality Science. 2011. Vol. 2. P. 81–89.
17. Hofstede G.H., Bond M. Hofstede's cultural dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey // Journal of Cross-Cultural Psychology. 1984. Vol. 15. P. 417–433.
18. Ji L.-J., Zhang Z., Nisbett R.E. Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization // Journal of Personality and Social Psychology. 2004. Vol. 87. P. 57–65.
19. Ji L.J., Peng K., Nisbett R.E. Culture, control, and perception of relationships in the environment // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 78. P. 943–955.
20. Kim H., Markus H.R. Deviance or uniqueness, harmony or conformity? A cultural analysis // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 77. P. 785.
21. Kitayama S., Duffy S., Kawamura T., Larsen J.T. Perceiving an object and its context in different cultures: A cultural look at the New Look // Psychological Science. 2003. Vol. 14. P. 201–206.
22. Markus H.R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991. Vol. 98. P. 224–253.
23. Masuda T., Ellsworth P.C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion // Journal of personality and social psychology. 2008. Vol. 94. № 3. P. 365–381.
24. Masuda T., Gonzalez R., Kwan L., Nisbett R.E. Culture and aesthetic preference: Comparing the attention to context of East Asians and Americans // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. Vol. 34. P. 1260–1275.

25. *Masuda T., Nisbett R.E.* Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2001. Vol. 81. P. 922–934.
26. *Masuda T., Nisbett R.E.* Culture and change blindness // *Cognitive Science*. 2006. Vol. 30. № 2. P. 381–399.
27. *Matsumoto D., Van de Vijver F.J.* (Eds.). *Cross-cultural research methods in psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
28. *Matsumoto D., Yoo S.H.* Toward a new generation of cross-cultural research // *Perspectives on Psychological Science*. 2006. Vol. 1. № 3. P. 234–250.
29. *Miyamoto Y.* Culture and analytic versus holistic cognition: Toward multilevel analyses of cultural influences // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 47. P. 131–188.
30. *Miyamoto Y., Nisbett R.E., Masuda T.* Culture and the physical environment: Holistic versus analytic perceptual affordances // *Psychological Science*. 2006. Vol. 17. P. 113–119.
31. *Miyamoto Y., Yoshikawa S., Kitayama S.* Feature and configuration in face processing: Japanese are more configural than Americans // *Cognitive Science*. 2011. Vol. 35. P. 563–574.
32. *Morling B., Lamoreaux M.* Measuring culture outside the head: A meta-analysis of individualism-collectivism in cultural products // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. P. 199–221.
33. *Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A.* Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition // *Psychological Review*. 2001. Vol. 108. P. 291–310.
34. *Oyserman D., Coon H.M., Kimmelmeier M.* Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses // *Psychological Bulletin*. 2002. Vol. 128. P. 3–72.
35. *Rivers W.H.R.* Observations on the senses of the Todas // *British Journal of Psychology*. 1905. Vol. 1. P. 321–396.
36. *Saalbach H., Imai M.* Scope of Linguistic Influence: Does a Classifier System Alter Object Concepts? // *Journal of Experimental Psychology*. 2007. Vol. 136. № 3. P. 485–501.
37. *Savani K., Stephens N.M., Markus H.R.* A Cognitive Consequence of Choice: Selecting among Alternatives Promotes Analytic Thought and Decreased Attention to the Context [Electronic edition] // *Advances in Experimental Social Psychology*. 2014. Vol. 47. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00003-6> (access date: 16.03.2015.).
38. *Varnum M. W., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R.E.* The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis // *Current Directions in Psychological Science*. 2010. Vol. 19. P. 9–13.
39. *Varnum M.E. W., Grossmann I., Katunar D., Nisbett R.E., Kitayama S.* Holism in a European cultural context: Differences in cognitive style between Central and East Europeans and Westerners // *Journal of Cognition and Culture*. 2008. Vol. 8. P. 321–333.
40. *Witkin H.A., Dyk R.B., Faterson H.F., Goodenough D.R., Karp S.A.* *Psychological differentiation*. Potomac, MD: Erlbaum, 1974. 418 p.
41. *Zhang S., Schmitt B.* Language-dependent classification: The mental representation of classifiers in cognition, memory, and ad evaluations // *Journal of Experimental Psychology: Applied*. 1998. Vol. 4. P. 375–385.

ON THE PROBLEM OF CROSS-CULTURAL DIFFERENCES IN COGNITIVE PROCESSES

SAMOYLENKO E.S. *, *Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Center of Experimental Psychology, MSUPE, Moscow, Russia,*
e-mail: elena.samoylenko@gmail.com

GALANITCHEV P.A. **, *Center of Experimental Psychology, MSUPE, Moscow, Russia,*
e-mail: galanichev.p@gmail.com

NOSULENKO S.V. ***, *National Research University The Higher School of Economics, Moscow, Russia,*
e-mail: stanislav.nosulenko@gmail.com

The theoretical and empirical aspects of cross-cultural differences in cognitive processes are discussed. The results of empirical study, that showed differences between inhabitants of Tuva and Moscow in the process of comparing images were presented. Cross-cultural differences related to the degree of influence of perceptual context on subjective assessments and verbalization of similarities of objects.

Keywords: comparison, similarity, individual differences, verbalization.

Funding.

The study was supported by Russian Foundation for Humanities, project №14-16-17003a(p).

References

1. Barrett L. F., Mesquita B., Gendron M. Context in emotion perception. *Current Directions in Psychological Science*, 2011, vol. 20, no. 5, pp. 286–290.
2. Bond M. H., Leung K., Au A., Tong K. K., de Carrasquel S. R., Murakami F. et al. Culture-level dimensions of social axioms and their correlates across 41 cultures. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2004, vol. 35, pp. 548–570.
3. Chiu L.-H. A cross-cultural comparison of cognitive styles in Chinese and American children. *International Journal of Psychology*, 1972, vol. 7, pp. 235–242.
4. Chua H. F., Boland J. E., Nisbett R. E. Cultural variation in eye movements during scene perception. *Proc. of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2005, vol. 102, pp. 12629–12633.
5. Cole M., Scribner S. *Culture & thought: A psychological introduction*. N.Y., John Wiley & Sons, 1974.
6. Colzato L. S., Beest I. V., van den Wildenberg W. P., Scorolli C., Dorchin S., Meiran N., Hommel B. God: Do I have your attention? *Cognition*, 2010a, vol. 117, no. 1, pp. 87–94.

For citation:

Samoylenko E.S., Galanichev P.A., Nosulenko S.V. On the problem of cross-cultural differences in cognitive processes. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental psychology (Russia)*, 2015, vol. 8, no. 1, pp. 39–59.

* Samoylenko E.S. Dr. Sci. (Psychology), Senior Research Associate, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; Center of Experimental Psychology, MSUPE. E-mail: elena.samoylenko@gmail.com

** Galanichev P.A. Programmer, Center of Experimental Psychology, MSUPE. E-mail: galanichev.p@gmail.com

*** Nosulenko S.V. National Research University The Higher School of Economics. E-mail: stanislav.nosulenko@gmail.com

7. Colzato L. S., Hommel B., van den Wildenberg W., Hsieh S. Buddha as an eye opener: A link between prosocial attitude and attentional control. *Frontiers in Psychology*, 2010b, vol. 1, p. 156.
8. Gardner W. L., Gabriel S., Lee A. Y. "I" value freedom, but "we" value relationships: Self-construal priming mirrors cultural differences in judgment. *Psychological Science*, 1999, vol. 10, pp. 321–326.
9. Grossmann I., Varnum M. W. Social class, culture, and cognition. *Social Psychological and Personality Science*, 2011, vol. 2, pp. 81–89.
10. Hofstede G. H., Bond M. Hofstede's cultural dimensions: An independent validation using Rokeach's value survey. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 1984, vol. 15, pp. 417–433.
11. Ji L.-J., Zhang Z., Nisbett R. E. Is it culture or is it language? Examination of language effects in cross-cultural research on categorization. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, vol. 87, pp. 57–65.
12. Ji L. J., Peng K., Nisbett R. E. Culture, control, and perception of relationships in the environment. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000, vol. 78, pp. 943–955.
13. Kenin-Lopsan M. B. *Traditsionnaya kultura tuvintsev [Traditional culture of Tuva]*. Tuva, Tuvinskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 2006 (In Russ.).
14. Kim H., Markus H. R. Deviance or uniqueness, harmony or conformity? A cultural analysis. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, p. 785.
15. Kitayama S., Duffy S., Kawamura T., Larsen J. T. Perceiving an object and its context in different cultures: A cultural look at the New Look. *Psychological Science*, 2003, vol. 14, pp. 201–206.
16. Markus H. R., Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 1991, vol. 98, pp. 224–253.
17. Masuda T., Ellsworth P. C., Mesquita B., Leu J., Tanida S., Van de Veerdonk E. Placing the face in context: cultural differences in the perception of facial emotion. *Journal of personality and social psychology*, 2008, vol. 94, no. 3, pp. 365–381.
18. Masuda T., Gonzalez R., Kwan L., Nisbett R. E. Culture and aesthetic preference: Comparing the attention to context of East Asians and Americans. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008, vol. 34, pp. 1260–1275.
19. Masuda T., Nisbett R. E. Attending holistically versus analytically: Comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 81, pp. 922–934.
20. Masuda T., Nisbett R. E. Culture and change blindness. *Cognitive Science*, 2006, vol. 30, no. 2, pp. 381–399.
21. Matsumoto D., Van de Vijver F. J. (Eds.). *Cross-cultural research methods in psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2010.
22. Matsumoto D., Yoo S. H. Toward a new generation of cross-cultural research. *Perspectives on Psychological Science*, 2006, vol. 1, no. 3, pp. 234–250.
23. Miyamoto Y. Culture and analytic versus holistic cognition: Toward multilevel analyses of cultural influences. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2013, vol. 47, pp. 131–188.
24. Miyamoto Y., Nisbett R. E., Masuda T. Culture and the physical environment: Holistic versus analytic perceptual affordances. *Psychological Science*, 2006, vol. 17, pp. 113–119.
25. Miyamoto Y., Yoshikawa S., Kitayama S. Feature and configuration in face processing: Japanese are more configural than Americans. *Cognitive Science*, 2011, vol. 35, pp. 563–574.
26. Morling B., Lamoreaux M. Measuring culture outside the head: A meta-analysis of individualism-collectivism in cultural products. *Personality and Social Psychology Review*, 2008, vol. 12, pp. 199–221.
27. Nisbett R. E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 2001, vol. 108, pp. 291–310.
28. Nosulenko V. N. *Psychophysika vospriyatiya estestvennoj sredy [Psychophysics of perception of natural environment]*. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2007. 400 p. (in Russ.).
29. Nosulenko V. N., Samoylenko E. S. Sistemnyi analiz mezhlichnostnogo obscheniya: kontseptsii i modeli [Systemic analysis of interpersonal communication: Concepts and models]. *Ideya sistemnosti v sovremennoy psikhologii [The idea of systems in modern Psychology]*, Moscow, IP RAS Publ., 2005, pp. 315–340 (in Russ.).

30. Oyserman D., Coon H. M., Kimmelmeier M. Rethinking individualism and collectivism: Evaluation of theoretical assumptions and meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 2002, vol. 128, pp. 3–72.
31. Rivers W.H.R. Observations on the senses of the Todas. *British Journal of Psychology*, 1905, vol. 1, pp. 321–396.
32. Roditcheva E. I. K probleme antonimii. Diss. kand. filol. nauk [*On the problem of antonymy. Cand. Sci. (Philology) thesis*]. Moscow, MSU Publ., 1976.
33. Saalbach H., Imai M. Scope of Linguistic Influence: Does a Classifier System Alter Object Concepts? *Journal of Experimental Psychology*, 2007, vol. 136, no. 3, pp. 485–501.
34. Samoylenko E. S. *Problemy sravneniya v psikhologicheskom issledovanii* [*Problems of comparison in psychological research*]. Moscow, Institut psihologii RAN Publ., 2010. 416 p. (in Russ.).
35. Samoylenko E. S. *Process sravneniya v sistemakh poznaniya, obscheniya i lichnosti. Diss. dokt. psikhol. nauk* [*Process of comparison in systems of cognition, communication and personality. Dr. Sci. (Psychology) thesis*]. Moscow, 2012. 523 p. (In Russ.).
36. Samoylenko E. S., Melkumyan T. A. Sravnenie skhodnykh zritelnykh obektov v razlichnykh kontekstakh ikh predyavleniya [Comparison of similar visual objects in different contexts of their presentation]. *Eksperimentalnaya psikhologiya* [*Experimental Psychology (Russia)*], 2011, no.3, pp. 42–58 (In Russ.; abstr. in Engl.).
37. Savani K., Stephens N. M., Markus H. R. A Cognitive Consequence of Choice: Selecting among Alternatives Promotes Analytic Thought and Decreased Attention to the Context. *Advances in Experimental Social Psychology*, 2014, vol. 47. <http://dx.doi.org/10.1016/B978-0-12-407236-7.00003-6>.
38. Varnum M. W., Grossmann I., Kitayama S., Nisbett R. E. The origin of cultural differences in cognition: The social orientation hypothesis. *Current Directions in Psychological Science*, 2010, vol. 19, pp. 9–13.
39. Varnum M. E. W., Grossmann I., Katunar D., Nisbett R. E., Kitayama S. Holism in a European cultural context: Differences in cognitive style between Central and East Europeans and Westerners. *Journal of Cognition and Culture*, 2008, vol. 8, pp. 321–333.
40. Witkin H. A., Dyk R. B., Faterson H. F., Goodenough D. R., Karp S. A. *Psychological differentiation*. Potomac, MD, Erlbaum, 1974.
41. Zhang S., Schmitt B. Language-dependent classification: The mental representation of classifiers in cognition, memory, and ad evaluations. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 1998, vol. 4, pp. 375–385.